списках. Автор „Написания“ носит имя Даниила Заточеника, как и в списках „Слова“, только в Толстовском списке он назван Заточником. Название сочинения Даниила, однако, в найденном нами списке, другое: „Написание“, а не „Слово“, как в других текстах. Поэтому в отличие от других списков мы и будем его далее называть „Написанием“ Даниила Заточеника. Адресат, к которому обращается Даниил, обозначен как великий князь Ярослав Владимирович. В Академическом и Копенгагенском списках „Слова“ Ярослав Владимирович назван просто князем, а в списке Никольского и Барсова даже сыном Даниила.[1]

Обращаясь теперь непосредственно к тексту „Написания“ и сравнивая его с известными нам списками „Слова“, мы заметим, что текст „Написания“ значительно короче. Так, в нем отсутствуют следующие крупные отрывки, имеющиеся в списках „Слова“ (в скобках указываются страницы по изданию Н. Н. Зарубина): „воззри на птица... милости твоея“ (8); „погнетающе руку со мною в солило“ (9); „помогающе подразити ноги мои“ (9); „не лгал бо ми Ростислав князь... в нищети“ (10); „а жены на б...“ (10); „пусти тучю художества моего“ (11); „всяк бо человек... смыслити“ (12—13); „печалну бо мужу засюшать кости“ (13); „сироты и вдовици от велможь погружаемы“ (14); „и послание твое аки раи с плодом“ (14); „от места незаветрена“ (15); „якоже похвалися Езекий царь... двигнется тма“ (17—18); „дивна за буяном... князем воевати“ (18); „зане князь щедр... прибегают“ (19); а боярин щедр... сождениа порт“ (20—21); „но постави сосуд... сердце безумному“ (22—23); „очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира“ (23); „безумных бо ни сеют... к тобе не скорбил“ (24—25).

Пропущен также большой кусок „Слова“, где говорится о злых женах: „Глаголет бо в мирских притчах... мене продадут“ (27—33).

На первый взгляд создается впечатление, что „Написание“ просто является сокращением „Слова“. Но такое простое объяснение не находит оснований в самом характере сокращений. Прежде всего среди выпущенных мест есть длинный отрывок, направленный против злых жен. Резкие выпады против злых жен, представляющие собой нагромождение афоризмов, выпадают из общего построения „Слова“, уводят в сторону от его содержания. Можно предполагать, что весь отрывок о злых женах был вставлен в произведение Даниила позже, а не существовал в его первоначальном оригинале. На это указывает и фраза, заканчивающая рассуждение о злых женах: „еще возвратимся на предняя словеса“ (33). Это обычная ссылка на вставку, которая хорошо известна по летописям и другим памятникам древнерусской литературы. Не случайно в отрывке о злых женах нет обращения к князю („княже мой, господине мой“), так как эта вставка не имеет ничего общего с содержанием „Написания“.

Такой же вставной характер имеет ссылка на царя Езекию и Святослава Ольжина сына (17—18). Крайне характерно и отсутствие ссылки на князя Ростислава, столь сбившее исследователей („не лгал бо ми Ростислав князь“, 10). Явной вставкой является и фраза: „видихь велик зверь, а главы не имееть“, — разбивающая слова о безнарядьи полков, погибающих без доброго князя.

Вообще, если признать, что автор „Написания“ последовательно сокращал текст, останется непонятным, почему он выкинул как раз

---

[1] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд. АН СССР, Л., 1932.